

Текст · 27 апреля 2020, 13:57

Никита Сологуб,

«Тот, кто молод и богат, кокаину всегда рад». ФСБ, ФСКН и УВД по ЗАО в московском круговороте наркотиков

Кукуруза

Сотрудники ФСКН задерживают в центре Москвы предполагаемого наркоторговца Артема Кукурузу. Когда изъятый у него кокаин взвесили, один из оперативников позвонил руководившему операцией подполковнику Марченкову и с удивлением рассказал: там не 800, а всего 500 граммов. На следующий день Марченков звонит в УВД по ЗАО и говорит, что исчез один из его агентов.

Около десяти вечера 4 августа 2015 года из подъезда дома на Тверской вышел молодой человек 33-х лет с длинными волосами и тонкими усиками. Он был в светлом пиджаке поверх темной рубашки, в руках — ключи от *Porsche Cayenne*. Едва щеголь — звали его Артем Кукуруза — сделал несколько шагов в сторону машины, как его окружил спецназ и люди в штатском. Руководил ими оперативник ФСКН Борис Марченков.

Силовики отобрали у Кукурузы ключи и поднялись в квартиру на третьем этаже. Там они нашли пять кнопочных нокий, один контейнер с белым порошком и другой — со спрессованными брикетами похожего вещества, его же следы на внутренних

стенках кофемолки, пресс-станок и весы. Сверток с порошком изъяли у Кукурузы и из кармана пиджака.

С Тверской его увезли в отдел ФСКН по Северному округу Москвы. На видеозаписи опроса задержанный суетливо объясняет, что квартиру в центре он снимает, а найденное вещество — это кокаин, который он хранил для личного употребления и никогда никому не продавал. Медосвидетельствование показало, что в крови молодого человека действительно был наркотик.

Когда эксперты взвесили изъятый кокаин (получилось 557 граммов), один из сотрудников отдела ФСКН по имени Алексей позвонил Марченкову. Номер последнего прослушивало управление «М»^[1] ФСБ, но собеседники об этом вряд ли знали.

«Слушай, там 550 граммов. Никаких не 800 ***** [ни хрена]», — сказал Алексей. Марченков то ли не понял, то ли догадывался, что их могут услышать посторонние, и тут же сменил тему.

На следующий день оказалось, что пока оперативники ФСКН задерживали и допрашивали Кукурузу, их коллеги и в каком-то смысле конкуренты — сотрудники второго отдела уголовного розыска УВД по ЗАО, тоже специализирующиеся на наркопреступлениях — задержали с кокаином еще двоих москвичей. Одного из них оперативник Марченков хорошо знал.

Рано утром 6 августа он позвонил одному из полицейских УВД по ЗАО, чтобы проверить слух о задержании своего знакомого.

— Слушай, подскажи, ваши там никто не работали вчера? — спросил оперативник.

— Где конкретно?

— У меня там агентос пропал, у Черемушкинского рынка живет. <...> Нельзя там никак узнать?

— Узнать можно, данные пришли.

— Данные... Михеев Георгий^[2].

— Буду на работе — узнаю. Давай.

— Наберешь тогда.

Перезванивать полицейский не стал.

Лысый

На юго-западе Москвы полицейские из УВД по ЗАО ведут наблюдение за Георгием Михеевым, которого они подозревают в причастности к торговле наркотиками, а потом задерживают его. Оперативники объясняют это тем, что объект заметил слежку и попытался скрыться. Не обнаружив у Михеева наркотиков, его увозят в ОВД, а спустя два часа возвращаются к машине вместе с понятыми. На этот раз в ней находят четыре пакетика кокаина.

46-летнего Георгия Михеева задержали в Раменках 5 августа в 18:40. В тот день оперативники второго отдела угрозыска УВД по ЗАО Семен Мамонтов, Александр Титов, Игорь Макаренко и Иван Берестень, согласно их объяснениям, проводили в отношении Михеева оперативно-розыскное мероприятие «Наблюдение» — поступила информация, что он торговал кокаином и имел при себе крупную партию наркотика.

Оперативники прождали у подъезда предполагаемого дилера два часа. Потом он вышел на улицу, сел в свой *Nissan Juke* и доехал до магазина «Продукты» на Профсоюзной. Из магазина Михеев вышел уже не один, а с мужчиной кавказской внешности; вместе они сели в машину и провели внутри пять-десять минут. Как писали оперативники в своих объяснениях, мужчины то и дело «наклонялись к подлокотнику»: можно было догадаться, что они употребляют наркотики. Михеев высадил пассажира у метро и стал, по выражению полицейских, «перепроверяться», то и дело заезжая во дворы — они сделали вывод, что водитель заметил слежку и пытается оторваться. И действительно, скоро оперативники потеряли Михеева и настигли его уже только у дома. Мужчину вытащили из машины и увезли в ОМВД по Гагаринскому району. Там задержанного досмотрели и не нашли у него ничего, кроме ключей, банковской карты и 32 тысяч рублей наличными.

Примерно через два часа полицейские вернулись к машине вместе с Михеевым и двумя понятыми. Обыскав салон, они, если верить протоколу изъятия,

обнаружили четыре пакетика-зиплока с порошком массой 8,7, 0,75, 1,06 и 1,05 грамма — всего 11,56 граммов; позже экспертиза покажет, что кокаина в этой смеси было 17%. В объяснении понятые указали, что три свертка лежали под ковриком на заднем пассажирском месте, а один — в бардачке.

Сам Михеев и в дополнении к протоколу, и в своих первоначальных объяснениях настаивал, что свертки ему не принадлежат. «Я вышел из дома, съездил в магазин, вернулся, был задержан и увезен в ОВД по Гагаринскому району. Моя машина осталась незакрытой. В ОВД меня продержали два часа, после чего мы вернулись к машине, которая все это время оставалась открытой. Сначала к ней подошли сотрудники, потом подвели меня. Четыре сотрудника при четырех открытых дверях осмотрели машину. Через минуту мне сообщили, что найден наркотик», — утверждал он.

При обыске в квартире, где Михеев последние девять лет жил вместе со своей женой Еленой и несовершеннолетней дочерью, силовики не обнаружили ничего запрещенного. На допросе Елена рассказала, что «ниссан» принадлежит ей, а у Георгия нет ни профессионального образования, ни работы — по словам женщины, семью обеспечивала она: работала парикмахером в салоне красоты и писала картины, которые иногда продавал муж. Наркотики он никогда не употреблял и даже не упоминал в разговорах, заверила Елена.

Тем не менее медосвидетельствование показало, что кокаин в крови Михеева все же был; вещество нашли

и на срезax ногтей, и в карманах его джинсов. Уже позже, на допросе в качестве подозреваемого, он намекнул, что наркотик мог попасть в организм с водой, которую ему дали выпить полицейские. Свой день до задержания Михеев вспоминал так: утром он купил раму для картины, продал работу Елены знакомому, съездил в ремонт обуви и решил купить вина в магазине в пяти километрах от дома, где у него была скидка. Там Георгий встретил приятеля, поболтал с ним и подвез до метро, а после отправился домой, где его и задержали. В задержании, говорил он, участвовали восемь-десять полицейских, которые побили его, заломили руки за спину, надели наручники, обозвали скотиной и, продолжая оскорблять, отвезли в ОВД. Михеев попросил проверить его и задержавших его оперативников на полиграфе, но следователь в этом тут же отказал.

Режиссер

Два оперативника УВД по ЗАО едут на Пресню, где живет Дмитрий Синицын — знакомый задержанного на юго-западе Михеева. У него тоже изымают кокаин, он дает показания на Михеева, при этом протоколы разных его допросов дословно совпадают, а фамилия адвоката вписана в машинописные документы от руки.

Как следует из материалов дела, едва закончив с обыском «ниссана» Михеева, оперативник Семен Мамонтов отправился задерживать его знакомого — 49-летнего Дмитрия Синицына, предположительно, также причастного к обороту наркотиков; помогал Мамонтову его коллега Василий Матвеев.

Прибыв по адресу неподалеку от парка Красная Пресня, в 23:15 напарники увидели, как Сеницын в шортах и футболке выходит из подъезда. Согласно объяснениям полицейских, когда его «с целью установления личности» остановили и задали вопрос о запрещенных предметах, мужчина начал «заметно нервничать» и «попытался засунуть руки в карманы своих шорт». Тогда оперативники увезли Сеницына в УВД по ЗАО. Там в присутствии двух понятых задержанного досмотрели и изъяли у него из кармана шорт сверток с 11,07 грамма порошка; позже экспертиза покажет, что в смеси было 2% кокаина. Как и у Михеева, кокаин нашли и в крови Сеницына. Вскоре в его квартире прошел обыск: изъяли электронные весы и 25 пластиковых пакетов с застежкой-зиплоком, на которых следов наркотиков не оказалось.

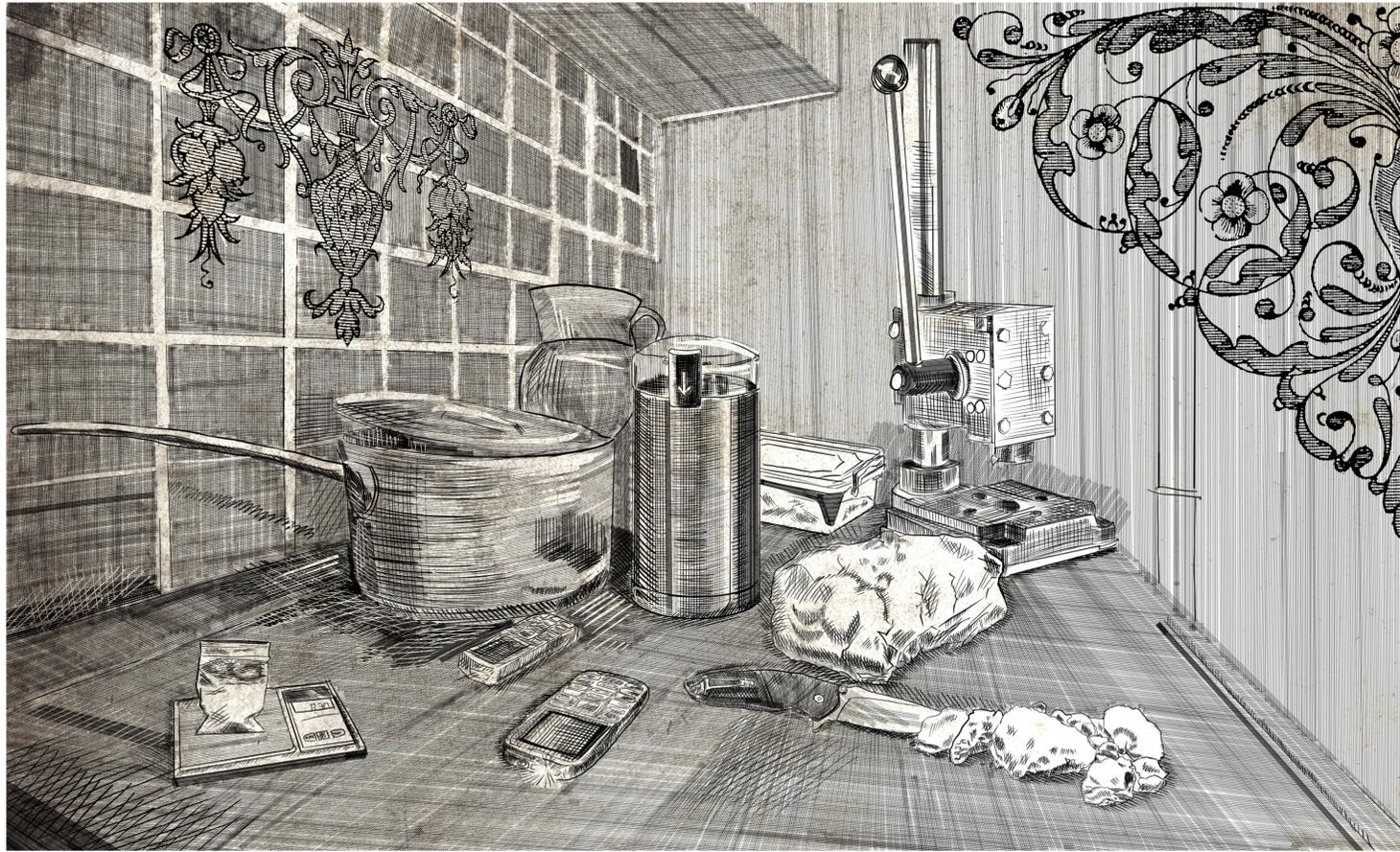

Иллюстрация: Костя Волков / Медиазона

Согласно материалам дела, после задержания у Сеницына взяли объяснения, а потом — уже с участием адвоката, имя которого в машинописном документе почему-то вписано от руки — допросили

сначала в качестве подозреваемого, потом и обвиняемого; при этом, если верить документам, все три раза мужчина изъяснялся совершенно одинаковыми фразами, повторяя дословно одно и то же.

Он рассказал, что несколько лет назад познакомился с Михеевым, который представился «бывшим сотрудником правоохранительных органов». Через полгода Михеев узнал, что Сеницын употребляет кокаин, и предложил ему «свою помощь» в покупке наркотика. «Впоследствии он безвозмездно привозил кокаин ко мне домой, мы его совместно употребляли, также он оставлял вещество у меня дома на сохранность. Он говорил, что берет кокаин через хороших знакомых. Также я рассказал Георгию о своем знакомом, который помогал мне в приобретении вещества, после чего этот знакомый был задержан сотрудниками наркоконтроля. Эпизодически Георгий привозил мне домой продукт и просил передать его часть его знакомым, которых отправлял ко мне. Я выполнял его указания и сообщал о результатах», — говорилось в показаниях Сеницына. В отличие от Михеева, он не стал настаивать, будто кокаин ему подбросили: на допросе признал, что изъятый сверток ему для последующей продажи передал Георгий.

Следственная часть Гагаринского ОМВД возбудила уголовное дело по части 2 статьи 228 УК (хранение наркотиков в крупном размере без цели сбыта). 7 августа обоих задержанных заключили под стражу.

***** [катастрофа]

Подполковник Марченков обсуждает задержание Михеева по телефону: предполагает, что кокаин подбросили полицейские из УВД по ЗАО, и пытается договориться о более мягкой мере пресечения, чем арест. Его разговоры прослушивает ФСБ.

С самого утра^[3] 6 августа 2015 года оперативник ФСКН Борис Марченков выяснял, где находится его знакомый по кличке Лысый — он же Георгий Михеев^[4]. К полудню стало понятно, что Лысый задержан. В середине дня Марченков позвонил некоему «Славе»^[5] и спросил, давно ли он разговаривал с Михеевым — «Слава» ответил, что созванивался с Лысым накануне в обед, а потом тот перестал брать трубку.

— ***** [Поймали] его, по ходу, — ответил Марченков на вопрос, что случилось.

— Что?

— ***** [Хлопнули] его.

— Кто?!

— Менты западные.

— А где могли его ***** [хлопнуть]?

— Под домом.

— Да ну ***** [на хрен]!

— Да ну, ***** [на хрен]!

«Слава» вспомнил: накануне задержанный сказал ему, что «на районе есть два по десять», пообещал привезти обещанный «килограмм черной икры», а потом перестал брать трубку.

Марченков рассказал, что утром 5 августа Михеев приезжал к нему и привез подарок на день рождения — картину кисти своей жены Лены.

— Я его медом угостил из деревни и бутылку коньяка дал. Потом он поехал домой, все это положил, опять куда-то уехал, в шесть часов позвонил, что через десять минут будет дома — и все, видно, ***** [хлопнули]: тачка досмотренная, он в Гагаринском ОВД. <...> Западные менты ***** [хлопнули] и отвезли, досмотрели — якобы изъята чуть ли не десятка, говорят, кокаина. На карман, что ли, накиннули, получается? <...> Откуда у него 10 грамм, ***** [гребаный] в рот? — возмущался Марченков.

«Слава» в ответ предположил, что «десятку» Михеев мог держать «для Режиссера» — под такой кличкой в стенограмме прослушки фигурирует Дмитрий Синицын. «Немаловероятно, что [Михеев] Режиссеру купил где-то [изъятые 10 грамм] и хотел ему отдать для реализации», — такой догадкой «Слава» поделился с Марченковым.

— И что, получается, он Гошана [Михеева] попросил взять и ему привезти? Да Гошан бы с этой ***** [фигней] домой бы не поехал. ***** [на хрена] ему? Тогда быстрее бы избавиться, он бы Режиссеру отвез сразу. ***** [на хрена] домой? — недоумевал Марченков.

— Ну, Гошан мог оставить это все в машине и пойти домой спать, потому что утром хотел уже к нему поехать, — отвечал «Слава».

— Мне вчера сидел, [Михеев], говорил: «Ни копейки денег ***** [ни хрена]». Откуда он десятку... У кого он десятку мог взять, ***** [гребаный] в рот, без денег?

Согласно стенограмме прослушки, вечером того же дня Марченков позвонил своему знакомому «Саше» и попросил «хотя бы решить вопрос с подпиской^[6]», добавив, что у жены задержанного «стольник есть, может, чуть больше».

— Я думаю, менты там, они вообще не против, ***** [на хрен], будут, они только за. <...> Потому что остальное все можно это и потом сделать — главное, чтобы не арестовали, а то обратятся в суд, суд арестует и ***** [катастрофа] будет, — прогнозировал сотрудник ФСКН.

«Саша» с ним согласился, но, судя по тому, что на следующий день суд все же арестовал Михеева, выполнить просьбу Марченкова у него не получилось.

Незадолго до заседания по избранию меры пресечения Михееву Марченков обсудил его задержание еще с одним своим знакомым, который в стенограмме обозначен как «неизвестный».

— Лысого ***** [хлопнули]. <...> Встретили пустого возле дома и напихали полную машину, ***** [гребаный] в рот, западные оэрчэшники^[7]. <...> Все в

**** [шоке]. <...> Всем назначили очные ставки, а они шкерятся и нас гасят, трубки не берут: «Скажите, что до нас не дозвонились»», — описывал ситуацию оперативник.

На вопрос о причинах несговорчивости сотрудников УВД по ЗАО их коллега из ФСКН предположил, что во всем виновата некая «Инецца», которая «недавно вышла из тюрьмы» и «начала что-то предъявлять».

— Мы ее как-то пару раз втемную использовали, изымали нормальные места. Она вышла, Гошану первым делом: «Это ты». Он: «Ты что, **** [обезумела], что ли?». [И потом] ряд знакомых людей там **** [хлопнули] с этими, и почему-то эти же педики, [задержавшие Михеева], у Гошана нарисовались после ее выхода сразу, — объяснял Марченков.

На следующий день он разузнал подробности задержания Михеева и пересказал их «Леше».

— Раскидали в бардачок, под коврик, **** [блин], в багажник, **** [на хрен]. Короче, видимо, руководству понадакладывали, что там **** [ужас как много наркотиков], их там, наверное, **** [дрючили], как шпротов **** [дранных]. Поехали, Гошана **** [хлопнули], повезли в УВД, тачку его бросили возле дома. В УВД три часа досматривали, **** [блин], **** [ни хрена] не нашли. Обосрались и **** [дело с концом]! И пришлось вернуться, **** [блин], досмотреть машину без его присутствия, со своими понятыми. Не нашли, педики **** [гребаные], — говорил наркополицейский.

— У него ничего не могло даже быть, он был пустой человек, ***** [на хрен]! Он даже, ***** [блин], ко мне с утра приезжал, тысяча рублей было на бензин. Это ***** [финиш] галимый. Я с ним разговаривал, он: «Борь, ** *** ***** [твою мать]...». Ну, ты сам знаешь Лысого, он бы сказал: «Я ***** [придурок], помогите!». Но он смеется и говорит: «Борь, ты все знаешь, я, ***** [блин], пустой!». Совсем ***** [распоясались]!» — кипятился он.

Через несколько часов Марченков позвонил человеку, который в прослушке фигурирует как «Дима», и рассказал, что его коллеги пытались поговорить с судьей, выносившей решение об аресте Михеева. Та ответила, что «все, конечно, понимает», но не арестовать его не смогла.

— Ну, округ, я так понимаю, просто ей уже, видно, и звонки были, и туда, и сюда, ***** [блин], типа на контроле у руководства, ***** [блин], Запада^[8], ** *** ***** [твою мать], — объяснял оперативник. Впрочем, он надеялся, что Михеева отпустят, если сотрудники службы собственной безопасности сравнят кокаин из его машины с тем, который оперативники УВД по ЗАО изымали по другим уголовным делам — тогда станет очевидно, что это образцы вещества из одной партии, рассуждал Марченков.

— Если они возьмут у этих педерастов с их последних изъятий, пусть знают, ***** [на хрен]! Даже если меня [сейчас] слышат в прямом эфире: с последних изъятий, все изъятия [возьмите], вещество сравните, ***** [на хрен], и посмотрим, что будет! — предлагал

отчаявшийся оперативник прослушивавшим его коллегам.

Иллюстрация: Костя Волков / Медиазона

Щиров

На съемке с камер наблюдения видно, что машину Михеева осматривали пятеро полицейских, а по документам их было только четверо. Адвокат Михеева настаивает, что пятый — это фигурант дела Ивана Голунова, экс-начальник антинаркотического управления УВД по ЗАО Андрей Щиров.

После ареста Михеева взялся защищать адвокат Алексей Овсянников. Первым делом он попросил провести очные ставки с полицейскими, участвовавшими в задержании, и изъять записи с камер наружного наблюдения, запечатлевшие этот момент. Оба ходатайства следователь удовлетворил.

На записи, приобщенной к материалам дела, видно, как к припаркованному у обочины *Nissan Juke* приближаются трое человек. У машины срабатывает сигнализация. Через несколько секунд к ней подходят

еще пятеро; среди них Михеев с руками за спиной — видимо, он уже в наручниках. Задержанный и еще двое мужчин — вероятно, это понятые — встают перед капотом, четверо других копаются в салоне, а один что-то записывает — видимо, составляет протокол. Все четыре двери автомобиля открыты. Один из полицейских вылезает наружу и поднимает руку, скорее всего, показывая, что нашел искомое, но понятые к нему не подходят.

— Действия сотрудников имеют явно провокационный характер, создают суету, в условиях которой легко подбросить наркотики. Один из понятых вообще стоит на расстоянии пяти метров. То есть возможности наблюдать за действиями сотрудников Михеев не имеет, не делают этого и понятые. Стекла тонированные, двери открыты, наблюдать за действиями сотрудников невозможно, — комментирует видео адвокат Овсянников.

Хотя на съемке машину обыскивают пять человек, участниками ОРМ по документам числятся только четверо; что их было четверо, полицейские говорили и на допросах. Отвечая на вопрос адвоката Овсянникова на очной ставке, оперативник Титов называл слежку за Михеевым ОРМ «Наблюдение», задачу провести которое полицейским поставил их начальник — глава отдела по контролю за оборотом наркотиков УВД ЗАО Андрей Щиров. Защитник полагает, что Щиров и был пятым участником осмотра.

Андрей Щиров и дело Ивана Голунова

6 июня 2019 года в Москве [задержали](#) журналиста «Медузы» Ивана Голунова, в рюкзаке которого полицейские нашли пять свертков в альфа-PVP. После его задержания на телеканале «Россия-24», сидя спиной к камере, выступил мужчина, представившийся начальником подразделения по контролю за оборотом наркотиков УВД по ЗАО. Он рассказал, что Голунов занимался покупкой наркотиков в Латвии и их продажей в ночных клубах Москвы. Антинаркотическое подразделение УВД по ЗАО тогда возглавлял Андрей Щиров, которого не раз обвиняли в фабрикации уголовных дел — например, [предпринимательница](#) Ульяна Хмелева. Она была осуждена по статьям о сбыте и хранении наркотиков и провела в колонии 14 лет.

9 июня Ваза и «Трансперенси Интернешнл — Россия» [опубликовали](#) расследование, согласно которому Щиров при официальной зарплате в 0,8-1 млн рублей в год владеет землей стоимостью 70 млн рублей.

На следующий день Щиров поговорил с корреспондентом «Настоящего времени» и [сказал-](#), что в деле Голунова «никаких нестыковок» нет, и пожаловался на то, что «в последние несколько дней все вырывается из контекста».

12 июня МВД [прекратило](#) дело против Голунова.

3 июля Щирова [отстранили](#) от должности — почти одновременно с заместителем начальника УВД по ЗАО Игорем Петуховым.

В сентябре Щиров и еще двое бывших сотрудников УВД по ЗАО [подали иски](#) о восстановлении на службе. В ноябре суд [отказался](#) их удовлетворить.

29 января 2020 года Щирова вместе с еще пятью полицейскими из УВД по ЗАО задержали, но отпустили после допроса в качестве свидетеля: источник «Коммерсанта» [сообщал](#), что бывшего начальника отдела проверяли на причастность к фабрикации дела Голунова, но улики оказались недостаточно. На допросе он [рассказал](#), что не знал о действиях своих подчиненных. Пятеро других полицейских [были арестованы](#).

Лица на записи из дела не разобрать, но Овсянников говорит, что Щирова несложно узнать по телосложению — по словам адвоката, тот выше и крупнее остальных полицейских, «весом под 130 килограмм». На видео один из мужчин действительно выделяется своей комплекцией.

Сейчас Щилов проходит свидетелем по делу о наркотиках, подброшенных корреспонденту «Медузы» Ивану Голунову. Журналист сказал «Медиазоне», что, по его оценке, рост полицейского примерно 185 сантиметров, а вес — около 100 килограммов, однако он видел Щирова через три года после задержания Михеева.

— Начальник отдела Щилов непосредственно участвовал в осмотре и подбросе. <...> Он приехал и активно принимал участие в этом мероприятии, — уверен адвокат Овсянников.

Через десять дней после задержания Михеева у него состоялась очная ставка с Синицыным. Синицын подтвердил свою версию; Михеев продолжал настаивать на своей невинности.

— Мы кокаин не употребляли, не сбывали и не хранили. <...> Мне теперь стал понятен мотив сотрудников полиции, которые подкинули наркотическое средство в салон [моего] автомобиля «Ниссан». Эти же самые сотрудники [УВД по ЗАО], которые вели какие-то оперативные мероприятия в отношении Сеницына. Не понимая моей роли и не имея доказательств моей возможной преступной деятельности, они создали доказательства искусственно, подкинув кокаин в салон автомобиля, — высказывал догадку Михеев.

«М»

ФСБ считает, что у Михеева и Сеницына нашли тот самый кокаин, который до этого изъяли у Кукурузы. Дела в отношении всех троих передают Следственному комитету — вместе с прослушкой Марченкова и объяснениями Кукурузы, который настаивает, что у него было гораздо больше наркотика, чем указано в протоколе. Экспертиза не подтверждает версию ФСБ.

21 октября прокуратура Москвы изъяла дело Артема Кукурузы из производства следственной части ФСКН, объяснив, что имеются «основания полагать о причастности к совершению преступления должностных лиц правоохранительных органов», и сообщила об этом руководителю ГСУ СК по Москве генералу Денису Никандрову. Изъято из производства УВД по ЗАО было и дело в отношении Михеева и Сеницына — надзорное ведомство указало, что расследование «представляет особую сложность», а кроме того, «имеются до настоящего времени не проверенные сведения о возможной

фальсификации доказательств». Оба дела передали в столичное ГСУ СК — в отдел особо важных дел о преступлениях, совершенных должностными лицами правоохранительных органов.

15 декабря 2015 года после перестрелки у ресторана Elements на Рочдельской улице в Москве задержали Андрея Кочуйкова по кличке Итальянец.

Итальянец был известен как подручный «вора в законе» Захария Калашова (Шакро Молодого). Его отправили под арест по обвинению в хулиганстве (статья 213 УК). В середине июня 2016 года, когда срок ареста Итальянца истекал, следствие не стало просить о продлении меры пресечения, и Кочуйков вышел на свободу. Тогда его задержали оперативники ФСБ.

Одновременно спецслужба возбудила уголовное дело в отношении первого замруководителя московского ГСУ СК Дениса Никандрова и его коллег Михаила Максименко и Александра Ламонова. Им предъявили обвинение по части 6 статьи 290 УК (взятка в особо крупном размере) и отправили под арест. По [версии](#) спецслужбы, высокопоставленные сотрудники СК получили взятку от людей Шакро Молодого за содействие в освобождении Итальянца.

Первоначально Никандров не признавал вину и [называл](#) дело следствием конфликта между отдельными представителями управления «М» ФСБ и УСБ СК. Однако в сентябре 2017 года он [начал](#) сотрудничать со следствием. 16 августа 2018 года его [приговорили](#) к пяти с половиной

годам колонии; дело рассматривалось в особом порядке. В июне 2019-го Никандров вышел из колонии по УДО.

В начале 2019 года телеграм-канал «Судебные кроссовки» опубликовал заявление об увольнении по собственному желанию семерых следователей по особо важным делам и старших следователей ГСУ СК по Москве, датированное 2 февраля 2019 года. Среди уволившихся была и Татьяна Русакова.

Уже через несколько дней генералу Никандрову написал начальник управления «М» ФСБ полковник Олег Кадочников. В его письме говорилось, что, «по имеющейся оперативной информации», кокаин, изъятый у Михеева и Синицина, «ранее изымался сотрудниками Наркоконтроля в ходе обыска» по делу Кукурузы, а значит, «возможно, был похищен и впоследствии введен в незаконный оборот». Высокопоставленный чекист просил объединить уголовные дела в отношении всех трех фигурантов.

Одновременно с этим управление «М» ФСБ направило руководству ГСУ СК по Москве стенограммы прослушки Бориса Марченкова и объяснение Кукурузы от 8 ноября 2015 года. Арестованный молодой человек рассказывал оперативникам ФСБ, что кокаина в его квартире на Тверской было больше, чем значится в документах — почти 800 граммов.

В январе специалисты Экспертно-криминалистического центра Минюста сравнили вещества, найденные в квартире Кукурузы

и в машине Михеева. Заключение специалистов не подтвердило оперативную информацию управления «М»: оказалось, что образцы существенно отличаются друг от друга. Так, в смеси с Тверской наркотика было 72%, а в изъятой из «ниссана» — лишь 17%. «[Представленные на экспертизу вещества] не имеют общей родовой принадлежности и общего источника происхождения, ранее не принадлежали к единой массе», — заключили эксперты.

Месяцем позже московское ГСУ начало проверку по всем этим материалам. Участвовавшие в задержании на Тверской оперативники рассказали, что изъятый кокаин сразу же упаковали в конверт и отправили на экспертизу; понятые их слова подтвердили.

К объяснению Кукурузы о том, что кокаина было не 557, а «700-800» граммов, следователь СК Татьяна Русакова отнеслась критически и указала: «Обвиняемый, осознавая наступление уголовной ответственности за совершенное им преступление, пытается всячески воспрепятствовать производству расследования и минимизировать свою роль в совершенном преступлении, скомпрометировав сотрудников правоохранительных органов».

Не произвела впечатление на следователя и аудиозапись разговоров Марченкова: по ее мнению, фраза «там 550 грамм, а не 800 ни ***** [ни хрена]» лишь доказывает, что изъято было ровно столько наркотика, сколько указано в протоколе.

Завершилась проверка в марте — следователь Русакова вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Движуха

Прослушка фиксирует, что за несколько часов до задержания Михеев говорил: у него остались только «две» по «десять». После этого звонка он встретился с покупателем и отдал ему товар. Если верить оперативникам УВД по ЗАО, чуть позже они нашли в машине Михеева 11 граммов кокаина, расфасованные в четыре пакетика.

Из материалов уголовного дела следует, что оперативники УВД по ЗАО прослушивали безработного Георгия Михеева по кличке Лысый как минимум с декабря 2014 года; последнее имеющееся в деле постановление Мосгорсуда с разрешением на прослушку его номера сроком на 180 дней датировано мартом 2015-го.

Стенограммы прослушки свидетельствуют, что Михеев тесно общался с подполковником ФСКН Борисом Марченковым. Судя по этим записям, между болтовней о погоде и пробках Михеев делился с оперативником информацией об интересовавших того людях — причем по характерным фразам в разговоре можно предположить, что все они так или иначе причастны к нелегальному обороту наркотиков. Говорили Михеев с Марченковым и о Сеницыне. Последний и в прослушке УВД по ЗАО, и в записях, которые уже после задержания Михеева делали сотрудники ФСБ, фигурирует как Режиссер.

16 января 2015 года Марченков спрашивает, звонил ли Михеев Сеницыну, однако он отвечает, что оба телефона у Режиссера выключены.

— Пьет он с 20-го декабря, — поясняет Михеев.

— Понятно, — отвечает Марченков.

— Он в этом городе все решает, он самый главный барыга Москвы. <...> Он просто сейчас придет в себя, и я с ним. Под моим контролем разорвем весь город.

— Это ты его словами говоришь или своими?

— Борь, у тебя же уши есть. Ты же слышишь, чьими словами я говорю.

18 января Михеев сообщает Марченкову, что Режиссер «ожил» и поехал к «Филатову, брату депутата Митрофанова» — вероятно, имея в виду бывшего депутата Госдумы Алексея Митрофанова, который летом 2014 года покинул Россию после возбуждения уголовного дела по статье о мошенничестве.

— Филатов тоже был^[9] депутатом. Они братья по маме. А папа у Митрофанова был Андропов^[10]. Короче, он поехал туда. Он уже заехал в «Лотте Плазу»^[11], что-то привозил. <...> У них сейчас пати в «Лотте Плазе», <...> он уже возил сегодня, — сообщает информатор оперативнику.

Кроме бесед с Марченковым, есть в деле и прослушки разговоров Михеева и с другими абонентами. Так, 25 декабря 2014 года он общается с «Арменом», который просит «сделать движуху», а Лысый-Михеев обещает выполнить эту просьбу «завтра до вечера». «[Забуду про] долг и [дам] еще сверху. Только посмотри, Жор,

чтобы не размельченный был», — предупреждает «Армен».

Через четыре дня Михеев созванивается с человеком, обозначенным в прослушке как «Юрьев», и говорит, что у него «пяточок есть». 14 января 2015 года некий «Мамука» спрашивает у Михеева: «Жор, полграммчика там можно взять, готовенький?».

Через неделю Михеев объясняет своему собеседнику по имени «Мадо», что «восемь — это уже вообще нормальная цена», и обещает «материал» в «стандартной» упаковке, предупреждая, что там нет «единицы», а только «где-то 0,95».

Разговаривал Михеев и с Сеницыным. 28 января 2015 года Михеев сообщает ему, что «из далекой республики» «привезли какой-то замечательный монплефир». Сеницын спрашивает, не выдадут ли им «пробную акцию». В ответ Михеев говорит, что «пробовать» поедет «профессионал», который «понимает все», а собеседник жалуется, что «попрофессиональничать» хотелось бы и ему. В тот же вечер Сеницын пишет Михееву смс: «Будут строить новую ветку Москва-Питер для скоростных поездов, мы можем по регионам прохождение обеспечить поставки материалов. Подключение поездов к скоростному интернету — это у них плохо работает, а вот у меня есть технология суперская».

3 февраля Сеницын сообщает Михееву, что «отпустил» его «конюхов», потому что те оказались «жадными очень», но тут же отмечает: «Я не стал там что-то как-то, <...> он поправил меня дорожкой одной, поэтому не стал».

— Нужно будет завтра четыре тысячи перекинуть человеку на карточку. Они там все по старой схеме считают ценники... Братан, уже все закончилось по старой схеме, уже ценники другие, восемь-девять! — продолжает Сеницын.

— Ну, что делать?

— Ну, завтра отправят, я не парюсь. <...> Я не переживаю, просто докладываю тебе, как есть.

— Тот кто молод и богат, кокаину всегда рад, — завершает разговор Михеев.

13 февраля он звонит Сеницыну, чтобы сообщить, что «Леша-милиционер там желает единичку». Собеседники договариваются встретиться у метро Таганская, после чего Сеницын отправляет знакомому номер карты Сбербанка. 10 марта Михеев просит захватить «два», а Сеницын отвечает, что у него сейчас с собой «шесть», и если у него не заберут «пять», то «два» Михеев получит.

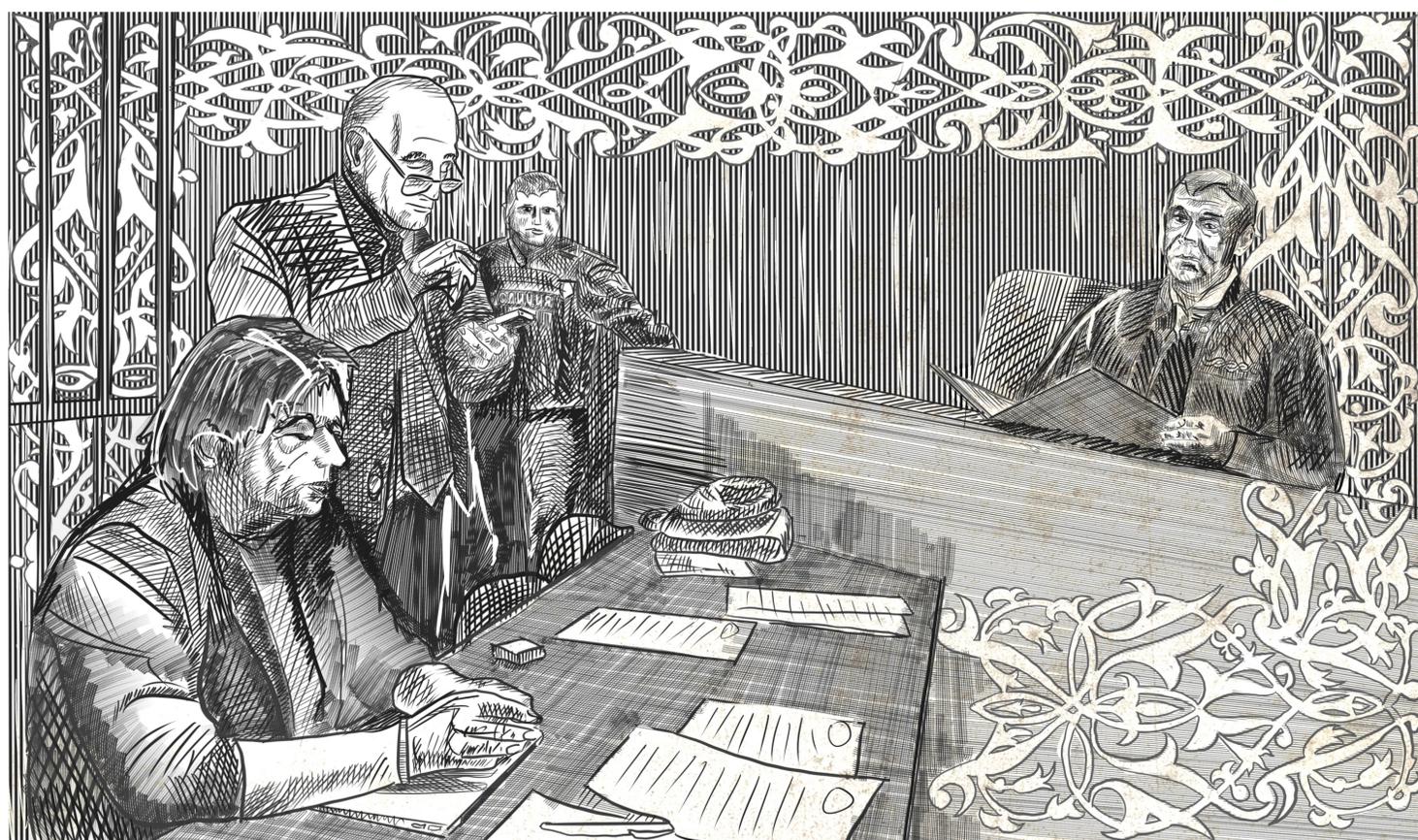

Иллюстрация: Костя Волков / Медиазона

Подобные разговоры, в которых собеседники сыплют числительными, но избегают называть сам предмет счета, повторяются почти каждую неделю. Прослушка прерывается в конце марта, а в середине мая возобновляется. С некоторыми собеседниками Михеев обсуждает вопросы информационной безопасности. Так, когда «Юрьев» жалуется, что не может дозвониться до Лысого по вайберу и предлагает поговорить по фейстайму, Михеев отвечает: «Все, кроме вайбера, отдали спецслужбам».

В день задержания Кукурузы прослушка Михеева состоит из переговоров о встрече с «Мамукой», который хочет взять «два» по «десять», и поисков пропавшего Синицына. Подумав, что того задержали, Лысый пытается найти его через знакомых, имеющих доступ к базам ФСКН и полиции, но безуспешно; позже выясняется, что Режиссер не брал трубку, потому что был занят — пробовал наркотики, которые ему привезли на дегустацию.

Поздно вечером 4 августа Михеев созванивается с подполковником Марченковым, который в это время руководит операцией по задержанию Кукурузы: судя по их разговору, Лысый соглашается выступить в качестве понятого и ждет, когда собеседник пригласит его, но оперативные мероприятия затягиваются, поэтому Марченков предлагает ему лечь спать.

Утром 5 августа Михеев снова звонит Марченкову; они беседуют как хорошие приятели.

— <...> Подарок мне надо тебе передать, — говорит Михеев работавшему всю ночь оперативнику.

— Какой подарок?

— На день рождения.

— ***** [блин], ну ты вот заморачиваешься с ***** [фигней] всякой!

— Да уже все сделано! Просто сам ты на метро это не довезешь.

— Да ***** [колотить], ты мне чего там, чугунный самовар подарил?

— Да, чугунный. Лучший подарок — это подарок, сделанный своими руками.

— Картину жены?

— Ну конечно!

— А! Прикинь, <...> как у меня все в один день получилось. День рождения^[12], и в этот же день, ***** [блин], [дали] подполковника, ***** [на хрен]. Вот так вот! И я все эти дни работаю, даже рюмку поднять не могу!

— Ну, я понял тебя. Тогда завтра сам как-нибудь руками попрешь.

— А красивая?

— Угу.

— Все, что руками сделано — все хорошо. Спасибо. Заранее благодарен.

В течение своего последнего дня на свободе Михеев созванивается с разными людьми: довольный «Мамука» нахваливает «товар», «Армен» говорит, что ему нужны наркотики, Лысый отвечает, что у него есть только «две» по «десять» и отдает их, согласно расшифровке, около пяти часов вечера. Из разговоров Михеева следует, что после этого с собой у него наркотиков не остается. Через несколько часов сотрудники УВД по ЗАО обнаруживают у него в машине 11 граммов кокаина.

Агент

Синицын отказывается от признательных показаний, утверждая, что в УВД по ЗАО его били по голове, а протоколы допросов составлены в отсутствие адвоката: «Таким образом, я оговорил Михеева». Михеев заявляет, что он агент ФСКН, внедренный в группу торговцев кокаином, и называет имена офицеров, которые курировали операцию.

За время расследования адвокат Михеева Алексей Овсянников ходатайствовал о дактилоскопической экспертизе, об исследовании потожировых следов на свертках из машины, о сравнении вещества, найденного у его подзащитного, с образцами кокаина, который сотрудники УВД по ЗАО измыли по другим делам, и, наконец, об исследовании на полиграфе — все безуспешно. В конце 2015 года Синицын, которого следствие называло подельником Михеева, через адвоката передал, что отказывается от признательных показаний.

В ходатайстве о прекращении дела Синицын из СИЗО писал, что он — не продавец кокаина,

а простой мастер-прораб. «В свободное время я подрабатываю локайшенем^[13] (подбираю натуру для съемок; квартиры, интересные кафе, особняки и так далее) в продюсерском центре. Неоднократно в моем доме снимались сериалы, в том числе и про правоохранительные органы, в частности, в моей квартире снималась часть сериала "Менты-6"», — рассказывал он.

Именно благодаря работе, уверял Сеницын, он и познакомился с Михеевым — по словам Режиссера, хотя, жена Лысого Лена и называла мужа безработным, на самом деле тот держал автомойку и продуктовый магазин, в которых попросил сделать ремонт. Деловые отношения вскоре переросли в дружеские — мужчины ходили друг к другу в гости, «играли в нарды», «пили чай». «Мы часто созванивались с Михеевым по вопросу реализации черной икры — его знакомый возит с Дальнего Востока, а у меня есть рестораторы и предприниматели, которые по приемлемой цене покупают. Я неоднократно помогал его знакомым в приобретении товаров, а именно алкоголя, сигарет класса *Duty-Free*. О каких-либо наркотических веществах не было даже и тени намека», — уверял Сеницын.

5 августа 2015 года, писал подследственный, он вышел в продуктовый магазин и был задержан несколькими сотрудниками УВД по ЗАО, которые усадили его на заднее сиденье джипа, нанесли несколько ударов по голове и отвели в здание управления, где стали спрашивать о незнакомых ему людях, Михееве и «каких-то несуществующих вещах». В этот момент

из-за избиения Сеницын почувствовал себя плохо — напомнила о себе старая травма^[14] головы. Двое сотрудников вывели его в туалет, где избиение продолжилось, а Сеницын тем временем заметил, как один из полицейских «роется в кармане-клапане шорт» — в этот момент ему подбросили наркотики, догадался обвиняемый.

Затем Сеницына вернули в кабинет и досмотрели с участием понятых, изъяв кокаин. Испугавшись, что его опять будут бить, он признал, что вещество принадлежит ему, а затем дал показания и на себя, и на Михеева, подписав сразу два протокола допроса — в качестве подозреваемого и обвиняемого. Следователь распечатал их на принтере; при этом, по словам Сеницына, адвоката по назначению рядом не было — его фамилию от руки вписали в протоколы позже.

«Таким образом, я оговорил Михеева. Данное наркотическое вещество ни мне, ни Михееву не принадлежит, а было подброшено сотрудниками УВД по ЗАО, чтобы сфабриковать уголовное дело и инспирировать уголовный процесс. <...> Экспертизы на предмет детектора лжи и потожировых следов рук были просто отмечены, без указания веских причин. Я считаю, что, согласно тезисам Путина Владимира Владимировича о патриотизме, он и заключается в том, чтобы дать вернуть добропорядочным гражданам свое честное имя», — писал Сеницын. В дальнейшем его защитник по соглашению попросил проверить правдивость этих показаний на полиграфе, но получил отказ.

В середине марта 2016 года зампрокурора Москвы заключил, что раз проверка СК не нашла нарушений в действиях полицейских, дело нужно вернуть в следственную часть УВД по ЗАО. Его принял к производству следователь Сергей Гришаков, который переквалифицировал обвинение с хранения наркотиков на покушение на сбыт группой лиц в крупном размере (часть 3 статьи 30, пункт «г» части 4 статьи 228.1 УК).

К лету дополнил свои показания и Михеев. «В декабре 2014 года я был официально оформлен как лицо, оказывающее добровольное содействие оперативным органам ФСКН. <...> В настоящее время мой статус в качестве агента мне неизвестен. В ходе моего добровольного сотрудничества одним из направлений моей деятельности по оказанию содействия оперативникам ФСКН до момента моего задержания являлось сообщение информации компрометирующего характера в отношении Дмитрия Сеницына и лиц, поставляющих ему наркотическое средство кокаин, достоверность которой подтверждалась также другими источниками», — признался он.

По словам Михеева, дело оперативного учета на Сеницына «под условным названием "Первый"-^[15]» велось с июня 2014 года. «Лысый» должен был собирать оперативно значимую информацию по группе Сеницына: сведения о поставщиках, о способах передачи кокаина, источниках поставок, транспорте, на котором перемещались дилеры, средствах связи, которыми они пользовались, и их условных словах.

«Для того, чтобы адаптироваться в среде лиц, причастных к незаконному обороту наркотиков, <...> мне приходилось придумывать различные легенды, выдавать ранее услышанную информацию, связанную с оборотом наркотиков, за свою, чтобы поднять свой статус в среде этих лиц. Мне стыдно признаться, что в определенный момент я заигрался и перешел черту, стал эпизодически употреблять кокаин, оправдывая себя тем, что это повышает степень доверия ко мне лиц, причастных к незаконному обороту наркотиков», — уверял Михеев. Благодаря его информации, настаивал агент, был задержан как минимум один подельник Сеницына.

В своих показаниях Михеев называл имена сотрудников ФСКН, которые знали о его работе — курировал операцию полковник Александр Чернодыр, а дело оперативного учета в отношении Сеницына вел подполковник Алексей Кудрявых. Михеев потребовал допросить их, в том числе с использованием полиграфа, и рассекретить документы о его участии в оперативных мероприятиях, но следователь ответил отказом.

Приговор

Полицейский, который, согласно протоколу, проводил осмотр в машине Михеева, не может вспомнить, где были спрятаны наркотики. Офицер ФСКН, которого подсудимый называет своим куратором, отказывается давать показания в суде, ссылаясь на секретность. Сеницын говорит, что его избивал лично Щиров. Оба подсудимых получают по десять лет строгого режима.

Судья Пресненского районного суда Евгений Найденов начал рассматривать уголовное дело Михеева и Сеницына в сентябре 2016 года. Хотя экспертиза показала, что обнаруженные у них наркотики изготовлены из разного сырья, в окончательном варианте обвинения говорится, что подсудимые вместе купили «у неустановленного лица» четыре мелких свертка (массой 8,7, 0,75, 1,06 и 1,05 грамма, их изъяли из машины Михеева) и один больший (11 граммов, столько нашли у Сеницына), а затем, «действуя согласно отведенным им преступным ролям», незаконно хранили их. Это продолжалось до тех пор, пока оперативники УВД по ЗАО не задержали обоих приятелей, тем самым помешав им реализовать преступный умысел на сбыт этих наркотиков.

За семь месяцев судебного процесса Найденов провел 13 заседаний, из них пять в связи с неявкой свидетелей завершились, едва начавшись. Первыми в суде допросили оперативников, участвовавших в задержании обвиняемых.

Полицейский Семен Мамонтов рассказал, что оперативно-розыскные мероприятия в отношении Михеева и Сеницына велись в рамках дела оперативного учета, которое было заведено «меньше чем за год до задержания».

— У меня было дело оперативного учета, в котором содержались доказательства незаконного сбыта наркотиков неустановленными лицами. <...> Фигуранты этого действия не были установлены. <...> В 2015 году наш отдел проверял оперативную

информацию о группе лиц, которая сбывает кокаин. Было установлено, что участники группы осуществляют сбыт на территории московского региона. Этими лицами оказались Сеницын и Михеев. В ходе дальнейших мероприятий нашло свое подтверждение, что они занимаются сбытом кокаина — так, по месту жительства Сеницына была задержана гражданка^[16] за хранение кокаина, которая нам рассказала о преступной деятельности Сеницына и Михеева, в ходе дальнейших ОРМ были задержаны подсудимые, у которых был изъят кокаин, — рассказывал в суде Мамонтов. На вопрос, почему показаний «гражданки» не оказалось в материалах дела, полицейский ответить не смог, отметив только, что оперативниками «такая информация предоставлялась».

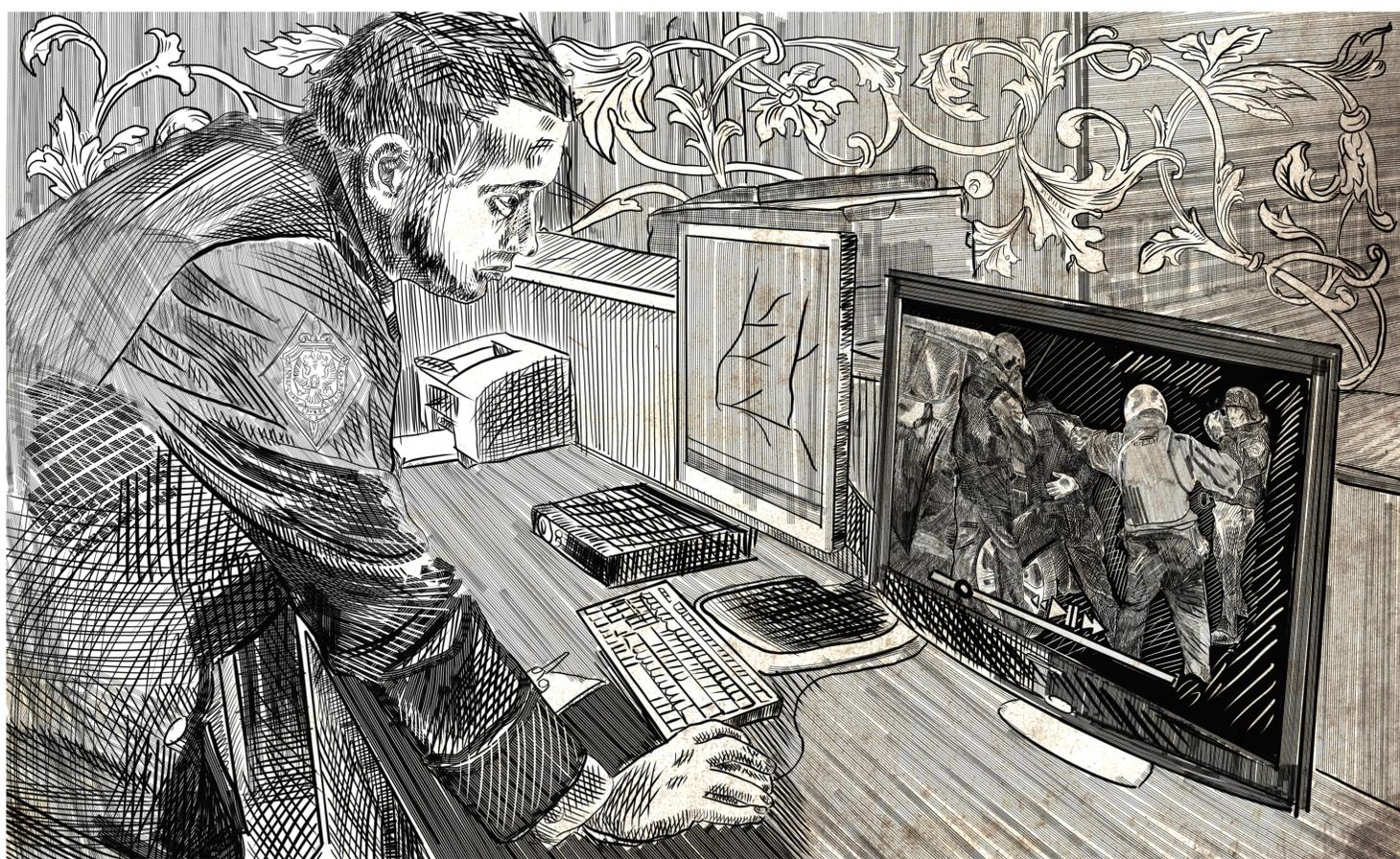

Иллюстрация: Костя Волков / Медиазона

Зато Мамонтов объяснил, как оперативно-розыскное мероприятие «Наблюдение» в отношении Михеева переросло в задержание: объект заметил слежку, полицейские потеряли его *Nissan Juke* из виду, а когда

снова нашли, решили действовать. Самому Михееву эта версия показалась неправоподобной.

— [То есть] я понял, что вы следите за мной, и при этом поехал к себе домой? — спросил он оперативника во время судебного заседания.

— Да.

— И оставил наркотики в машине?

— Да.

Отвечая на вопрос, кто из полицейских досматривал машину подсудимого, они в один голос ответили: Александр Титов. Сам Титов в суде сказал, что не помнит, ни кто проводил досмотр, ни где именно в машине были спрятаны наркотики.

Вопрос о предполагаемой работе Михеева на наркополицейских, хотя его и поднимали в ходе процесса, судья, как следует из протоколов судебных заседаний, счел не относящимся к сути обвинения — вероятно, по той же причине в суде не стали изучать ни одну из стенограмм прослушки. Адвокат Овсянников предлагал запросить в ФСКН документ о поручениях, которые выполнял его подзащитный, но судья в этом ходатайстве отказал.

— То, что Михеев сотрудничал с ФСКН, можно расценивать как смягчающее обстоятельство при вынесении решения, [но задержание людей, на которых указывал агент, является] предметом отдельного уголовного дела, а к настоящему уголовному делу отношения не имеет, —

комментировал представитель гособвинения его просьбу.

Тем не менее, в суде по просьбе защиты допросили свидетеля Александра Чернодыра, которого Михеев в последних показаниях назвал своим куратором. Офицер рассказал, что действительно работал в ФСКН замначальника четвертого отдела управления наркопреступности и начальником третьего отдела управления транснациональной преступности, но в январе 2016 года вышел на пенсию. Чернодыр подтвердил, что знаком с Михеевым «в связи с работой», но подробности раскрывать не стал.

— Вы можете рассказать об осуществлении помощи ФСКН Михеевым? — спрашивал адвокат Овсянников.

— В открытом судебном заседании не могу разглашать секретные сведения.

— Он оказывал вам содействие?

— Не могу сказать.

Михеев на допросе в суде еще раз повторил свою версию: наркотики в его машину подбросили оперативники, он живет на доходы от продуктового магазина и автомойки, «эпизодически, по праздникам» употребляет кокаин, а с ФСКН сотрудничает с осени 2014 года.

Синицын же в суде рассказал, что, кроме оперативников, указанных в протоколе, в его задержании участвовал Андрей Щиоров. «Стал меня запугивать, когда мы сидели в машине. Просил

дать ему информацию относительно Михеева. После этого на меня надели наручники и завели в здание ОВД. Я не понимал, почему меня задержали, так как ничего запрещенного у меня при себе не было. Начались допросы, у меня спрашивали, знаю ли я кого-либо из тех людей, клички которых мне называют. Я сказал, что знаю только Михеева, что мы дружим, что я ремонтировал его автомойку. <...> Наконец, приехал сотрудник полиции Андрей Щиров и стал меня бить. Мне он не представлялся, его фамилию я узнал от следователя», — говорил подсудимый.

Когда Синицина попросили объяснить, зачем он дал показания на Михеева, обвиняемый сослался на угрозы, побои и отсутствие защитника.

— Мне дали какого-то непонятного адвоката, который не защищал мои интересы, не присутствовал на следственных действиях, а просто постфактум подписал протоколы, — вспоминал Синицын.

Наличие в своей квартире весов он объяснил любовью к кулинарии, а пакетов с зиплоком — тем, что, имея инвалидность, привык хранить в них лекарства. Когда судья спросил, почему сотрудники полиции задержали Синицына, если ничего противозаконного он не совершал, тот предположил: «У меня есть недвижимость. Думаю, что кто-то хочет у меня ее забрать таким образом».

Судья Найденов огласил приговор 30 мая 2017 года. В своем решении он сослался на показания свидетелей — полицейских и понятых, первоначальные показания Синицына и письменные

материалы дела. К показаниям, которые подсудимые давали в ходе процесса, Найденов отнесся критически. «Указанные показания опровергаются совокупностью доказательств. <...> Кроме того, <версия следствия> подтверждается результатами ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров», из которых следует, что Михеев и Сеницын тесно общаются между собой по телефону, обсуждая вопросы сбыта наркотического средства, а также получение прибыли от сбыта данного наркотика. <...> Доводы подсудимых о том, что наркотики им подбросили сотрудники полиции, судом отклоняются как необоснованные, поскольку они опровергаются доказательствами, которые не противоречат друг другу и согласуются между собой», — заключил судья.

Обоих подсудимых он признал виновными, назначив Михееву десять с половиной, а Сеницыну — десять лет колонии строгого режима.

В апелляционной жалобе в Мосгорсуд адвокат Сеницына просил снова переквалифицировать обвинение на часть 2 статьи 228 УК и ограничиться условным сроком, а защитник Михеева требовал приговор отменить, а своего доверителя признать невиновным. Неожиданно об отмене приговора попросила и прокурор — она признала его неправомерным, а выводы судьи Найденова — не соответствующими фактическим обстоятельствам дела. После этого судья отложил заседание на две недели.

— То есть они понимали, что незаконен приговор, и отложились, чтобы разобраться в этом. Видимо, кто-то вмешался — уж не знаю, на каком уровне, но когда прокуратура кричит, что дело нужно возвращать на повторное рассмотрение, а на нее не реагируют, то как минимум очевидно, что влияние оказывается, — говорит адвокат Овсянников.

Выступая в суде апелляционной инстанции, Михеев просил «все-таки посмотреть видео», на котором запечатлено его задержание и досмотр машины, а также обратить внимание на заключение эксперта о том, что концентрация кокаина в изъятых наркотиках была минимальной.

— Я не знаю, какое решение вы примете, но я благодарю вас за то, что вы нас выслушали. Я не идеальный человек, но прошу поверить, что вещество, послужившее основанием для возбуждения уголовного дела, мне не принадлежит, — говорил он.

Настаивал на своей невиновности и Синицын.

— Мне 60 лет^[17]. Если бы я занимался наркотиками, то продавал бы килограммами, а не носил бы граммы в кармане шорт. Да, я признаю, что употреблял, но никакого сбыта не было, там нечего было сбывать. Если бы были проведены экспертизы на предмет касания к свертку, то все сомнения бы отпали, поскольку на данном свертке нет моих отпечатков, мне его просто подкинули, и я всегда об этом говорил. <...> Считаю обвинение надуманным, а дело — сфабрикованным. Надеюсь на справедливое решение, — сказал он.

Приговор остался в силе. Мосгорсуд лишь сократил срок лишения свободы: Михееву на три месяца, а Сеницыну — на год.

P.S. «Все друг друга слушали по кругу»

Сейчас Михеев и Сеницын отбывают наказание в колониях центральной России. Оба продолжают настаивать на своей невиновности. После того, как приговор устоял в апелляции, Сеницын обратился в Фонд содействия защите здоровья и социальной справедливости имени Андрея Рылькова; юрист Владимир Цвингли написал для него кассационную жалобу в Верховный суд, это последняя надежда на обжалование в России.

Цвингли обратил внимание, что первые допросы Сеницына проходили в отсутствие адвоката, вес действующего вещества в изъятом у него свертке, если пересчитать его на основании проведенной экспертизы, составляет всего 0,33 грамма, а оценка судом материалов прослушки, вынесенная в приговор, была формальной.

— Суд ограничился одной фразой: «В ходе прослушивания установлено, как обвиняемые обсуждают хранение, сбыт и употребление». Он [судья] не проводит границ между употреблением, которое не является уголовно наказуемым деянием, хранением и сбытом, и не указывает, где именно в огромном объеме прослушки обсуждается сбыт наркотиков и сбыт именно того свертка, который был изъят, — объясняет Цвингли.

Сам Синицын в разговоре с «Медиазоной» двусмысленную прослушку объяснил так: «Были немного другие дела, <...> нарезали вырванные из контекста предложения. Мое уголовное дело — это неоконченная попытка сбыта подброшенной полицией смеси. Это то, что мне вменили, и с чем я категорически не согласен. Расширять пределы уголовного судопроизводства непозволительно. Иными словами, бросьте в меня камень, кто безгрешен. Употреблять — это штраф или условка, а распространять — это 10-15 лет. Я не наркобарон, и мне вмененные наркотики не принадлежали».

Подавал кассационную жалобу в Верховный суд и адвокат Михеева Алексей Овсянников.

— Михеев сотрудничал с ФСКН. Видимо, в какой-то момент пересеклись какие-то интересы. Западный округ начал проводить в отношении него какие-то мероприятия. Фактически, это была месть — проводить прослушку. Но поскольку эта прослушка фактически ничего не доказывает, они, получив информацию, что человек какое-то отношение к наркотикам имеет, какое-то время за ним понаблюдали, а потом подбросили наркотики. Вот так работает УВД по ЗАО. Доходило до смешного — я видел сразу несколько дел этого же отдела, с такими же обвинениями, и там фигурировал тот же вес — те же 11 граммов. Одни слушали одних, другие других, третьи в это время — третьих. Все друг друга слушали по кругу, такая информация была, сякая, а закончилось все это тупым подбросом, — возмущается он.

— Эти люди сели не то, чтобы на пустом месте — они имели отношение к наркотикам, но суд не учел, какую роль они играли — человек работал на государство, а ему даже не дали возможности оправдаться и объясниться, просто подкинули наркотики. На суде его фактически слили и не дали легализовать информацию о том, что он является агентом, — сетует адвокат.

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Подразделение ФСБ, которое отвечает за контразведывательное сопровождение судов, прокуратуры, Минюста и МВД.
2. Имя и фамилия изменены по настоятельной просьбе «Михеева», который опасается за свою жизнь и безопасность.
3. Это следует из стенограммы прослушки, которую вела ФСБ.
4. Это следует из стенограммы прослушки ФСКН.
5. Здесь и далее в кавычках пишутся имена упоминаемых в прослушке абонентов, личность которых «Медиазоне» установить не удалось.
6. Вероятно, имеется в виду мера пресечения для Михеева — подписка о невыезде, а не арест.
7. От ОРЧ — оперативно-розыскная часть.
8. Западного административного округа Москвы.
9. Александр Филатов был депутатом Госдумы первого и второго созывов от ЛДПР. Во втором созыве он вместе с Митрофановым входил в думский комитет по геополитике. Википедия называет двух политиков «близкими друзьями и соседями по даче».
10. В 1990-х бульварная пресса действительно называла Алексея Митрофанова внебрачным сыном генсека Юрия Андропова; об этом говорил в интервью и его патрон Владимир Жириновский.
11. Lotte Plaza, здание на Новинском бульваре в Москве, в котором расположены одноименный отель и торговый центр с множеством дорогих ресторанов.

12. Судя по проколу допроса, день рождения Марченкова был 3 августа — ему исполнилось 33 года.
13. Орфография оригинала.
14. Согласно справке из материалов дела, в 1999 году Сеницын действительно получил черепно-мозговую травму с переломом лобных перегородок; его лечили в НИИ нейрохирургии имени Бурденко еще несколько лет и присвоили 2-ю группу инвалидности.
15. Одно из сленговых названий кокаина.
16. Возможно, «Инееса», упоминавшаяся в прослушке.
17. На самом деле на тот момент Сеницыну исполнился 51 год.